XLIII г.—1904 г.

КІЕВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

Еженедѣльное изданіе.

№ 36. Воскресеніе, 5 сентября.

Къ свѣдѣнію сотрудниковъ.

Рукописи должны доставляться въ Редакцію четко переписанными, за полною подписью автора и съ обозначеніемъ адреса. По усмотрѣнію Редакціи, рукописи подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ; авторы, несогласные съ этимъ, должны дѣлать оговорку предъ заглавіемъ рукописи.

Статьи, присланныя безъ указанія гонорара, считаются безплатными. Непринятыя для печати рукописи возвращаются авторамъ или лично, или по почтѣ, если присланы марки на пересылку. Рукописи, невостребованныя въ теченіе года, уничтожаются.

—

Часть неоффиціальная.

Отвѣты Редакціи на вопросы и запросы подписчиковъ.

1. *Должны ли вести церковное письмоводство наравнѣ съ первыми и вторые псаломщики, и въ правѣ ли первые требовать вознагражденія съ вторыхъ, если эти послѣдніе не могутъ или не хотятъ раздѣлять трудъ письмоводства?* (Вопросъ этотъ предложенъ для разрѣшенія Редакціи состоящимъ въ должности псаломщика діакономъ Л. Сем—мъ). Въ книгѣ, трактующей спеціально о церковномъ письмоводствѣ, составленной извѣстнымъ Харьковскимъ протоіереемъ І. Чижевскимъ, на стр. 4—5, дается слѣдующій отвѣтъ на поставленный вопросъ. „Все письмоводство по церкви и приходу Высочайше утвержденными 16 апр. 1869 г. „Положеніями о духовенствѣ“ возложено *на псаломщиковъ* (ст. 2, п. 4) и *на штатныхъ діаконовъ равномѣрно*, согласно разъясненію Св. Синода отъ 18 марта—1 апрѣля 1886 г. Распредѣленіе труда письмоводства зависитъ отъ настоятеля церкви. Тамъ, гдѣ два или болѣе псаломщика, настоятель обязанъ раздѣлить письмоводство по взаимному соглашенію. Въ случаѣ болѣзни, или по другимъ какимъ либо особо-уважитель-

нымъ причинамъ, псаломщикъ, на время, съ согласія настоятеля, можетъ вмѣсто себя пригласить для письмоводста стороннее лицо. Если же псаломщикъ окажется неспособенъ къ письмоводству, то настоятель прихода можетъ поручить другому псаломщику, съ вознагражденіемъ, по общему согласію, изъ числа доходовъ неспособнаго псаломщика, заявивъ объ этомъ мѣстному благочинному". Такой порядокъ веденія письмоводства въ нѣкоторыхъ епархіяхъ узаконенъ особыми на этотъ предметъ распоряженіями мѣстной дух. консисторіи. Такъ, напр., Донская дух. консисторія касательно веденія церковнаго письмоводства по приходамъ еще въ 1880 г. сдѣлала слѣдующее распоряженіе по своей епархіи: „1) псаломщики и исполняющіе должность псаломщиковъ обязаны вести письмоводство по церкви и приходу подъ наблюденіемъ настоятеля; 2) если же кто изъ исправляющихъ должность псаломщика не можетъ исполнитъ этой обязанности по малограмотству, старости и другимъ уважительнымъ причинамъ, то настоятели церквей могутъ нанимать на ихъ (исправл. должн. псаломщиковъ) счетъ писцовъ; 3) въ случаѣ же болѣзни псаломщика настоятель обязанъ самъ вести безъ упущенія текущія дѣла по церкви" (см. книгу В. А. Маврицкаго „Церковное благоустройство", стр. 334—335), „не требуя за то вознагражденія", согласно примѣчанію къ § 43 инстр. благоч."

Что же касается вольнонаемныхъ псаломщиковъ, то обязанность церковнаго письмоводства можетъ быть возлагаема на нихъ, какъ само собою понятно, лишь въ томъ случаѣ, если она входила въ условіе договора при наймѣ ихъ на псаломщическую должность.

2. *Позволительно ли совершать браки между утренею и литургіею?* (Вопросъ священника Звенигородскаго у. А. С—скаго). Временемъ совершенія браковѣнчанія, въ смыслѣ времени дня, долженъ быть день, по § 19 инстр. благоч.; и притомъ, такъ какъ брачующіеся должны, по Кормчей книгѣ, исповѣдываться и причащаться (или, по крайней мѣрѣ, приступать къ браку до принятія пищи и питья), то болѣе по-

добающее время для браковѣнчанія—это тотчасъ послѣ литургіи, „да не дерзнетъ никако же іерей никого же вѣнчать по обѣдѣ, ниже вечеръ, но порану ничтоже ядшихъ, ниже пившихъ, абіе по божественнѣй литургіи, или (если въ тотъ день литургію священникъ не совершаетъ) по часѣхъ“ (Кормч. кн. гл. 50, ч. 1).

3. *Позволительно ли вѣнчать раньше дня свадьбы (или попросту („вессиля“), до котораго повѣнчанные должны жить, какъ не повѣнчанные?* (Вопросъ предложенъ тѣмъ же священникомъ Звенигородскаго уѣзда). Вопросомъ этимъ имѣется въ виду старинный малороссійскій обычай—отдѣлять бракъ церковный отъ брака народнаго т. н. „весилля“, которымъ (т. е. „весиллемъ“) и полагается начало супружеской жизни вступившихъ въ бракъ. Значитъ весь вопросъ сводится къ тому, слѣдуетъ ли священнику поддерживать сказанный старинный малороссійскій брачный обычай? Отвѣтъ находимъ въ 53 правилѣ Лаодикійскаго собора: „Не подобаетъ христіанамъ, на браки ходящимъ, скакати или плясати, но скромно вечеряти и обѣдати, какъ прилично христіанамъ“. „Бракъ и учрежденіе на немъ со всякою тихостію и подобающею христіанамъ честностью по слову Божію да бываетъ, не козлогласованіемъ діавольскимъ, ни плясаніи и піанствы, яже христіаномъ отречена суть“, читаемъ въ 50 гл. кн. Кормчей. А что такое изъ себя представляетъ малороссійское (да пожалуй и общероссійское) свадебное народное „весилля“? Кто видѣлъ хоть разъ это „весилле“, во время котораго нетрезвыя женщины, иногда странно переряженныя, подъ звуки бѣдной музыки, неистово скачутъ по улицамъ, часто подъ дождемъ и въ грязи, тотъ согласится, что нельзя поддерживать это экзальтированное „народное веселье“. Несомнѣнно, подлежитъ отмѣненію и тотъ слишкомъ устарѣлый обычай, по которому тайну брака дѣлаютъ иногда нагло и безстыдно открытою. „Скажи (спрашиваетъ св. Іоаннъ Златоустъ въ бесѣдѣ на книгу Бытія—54-ю), зачѣмъ ты вводишь въ свой домъ соблазнъ, чтобы за неумѣстныя издержки повредить цѣ-

ломудріе дѣвы и содѣлать юношу безстыднымъ?" (Святый отецъ здѣсь имѣетъ въ виду дѣву и юношу вступившихъ въ бракъ). Зная, въ чемъ состоитъ свадебное „весилле", какъ же можно священнику съ временемъ брака принаравливаться къ этому сроку?!.. Всѣми силами священнику въ деревнѣ слѣдуетъ искоренять это „весилле", а не увѣковѣчивать его, отлагая на этотъ день совершеніе таинства брака. День вѣнчанія для вступившихъ въ бракъ—день принятія благодати Божіей; а потому и проводить этотъ день брачущіеся должны, какъ пріобщающіеся и пріобщившіеся благодати супружества.

Во многихъ епархіяхъ особыми распоряженіями епархіальнаго начальства священникамъ вмѣнено въ непремѣнную обязанность искоренять свадебный разгулъ, какъ обычай болѣе свойственный язычникамъ; намъ-ли—іереямъ Кіевской епархіи—беречь остатки языческихъ обычаевъ, въ видѣ малороссійскаго свадебнаго „весилля", отлагая на этотъ день совершеніе таинства брака?!..

Нѣчто изъ воспоминаній. [1]

(1847—1853 г. г.)

Въ Кіевѣ въ 1853 г. открылась страшная холера. Владыка митрополитъ Филаретъ, испугавшись за своихъ дѣтей—школьниковъ, велѣлъ поскорѣй покончить съ экзаменами и распустить. Это было окончаніе нашего курса. Прохожу семинарскимъ дворомъ и встрѣчаю инспектора о. Петра. „А вы еще не уѣхали?" любовно спрашиваетъ онъ. „Билета еще не получилъ". „Идите за мной,—я дамъ". И пошелъ впереди меня, напѣвая баскомъ: „Господи, кто обитаетъ въ жилищи Твоемъ". Выдавая билетъ, онъ сказалъ: „Уѣзжайте, женитесь и живите во славу имени Божія, а то здѣсь умрете". Это было послѣднее наше свиданіе въ сей жизни. Молю, да сподобитъ

---

[1]) (Окончаніе). См. Кіевск. Еп. Вѣд. за 1904 г. № 35.

Господь намъ свидѣться въ навечернемъ дни царствія Своего. Говорятъ нынѣ, что мы въ то время учились на мѣдныя деньги. Можетъ быть, это вѣрно относительно мѣдныхъ денегъ. Жизнь наша, и матеріальная и духовная, была очень проста. О чаѣ у насъ и помину не было. Питались мы ржанымъ хлѣбомъ, образецъ котораго одна богомолка изъ провинціи, державшая на квартирѣ бурсаковъ, увозя съ собой, сказала: „покажу, молъ, своимъ, что ѣдятъ семинаристы, чтобы они не превередничали“. О тяготѣ соблюденія постовъ намъ и на мысль не приходило. Уже когда я былъ въ богословскомъ классѣ, меня, въ видѣ особаго благоволенія и почета, хозяйка по временамъ приглашала къ утреннему чаю. Обыкновенно-же питались мы въ обѣдъ борщомъ и кашей, а ужинали тѣмъ-же борщомъ, обильно заготовляемымъ къ обѣду и сохраняемымъ до ужина готовымъ подъ лавкой. Такъ холоднымъ онъ и подавался. Величайшей роскошью были блины съ саломъ и шкварками. На это торжественное время сбѣгались даже корпусные. Но это бывало не часто. Подъ стать питанію тѣлесному было и духовное. Программа семинарская была не такъ широка, какъ нынѣ. Насъ приготовляли только къ жизненному обученію,—только шлифовали наши мозги, чтобы они способны были въ будущемъ воспринимать все доброе и полезное. Сообщалось намъ только главное и существенное; полагалось въ душахъ твердое основаніе, чтобы мы могли различить истину въ человѣческихъ мудрованіяхъ и не увлекались въ суетную философію по стихіямъ міра.

Намъ, напримѣръ, никогда не говорили при толкованіи Свящ. Писанія, что манна—явленіе естественное, что она и теперь естественнымъ порядкомъ падаетъ въ Африкѣ. Отъ того мы и не привыкли къ суемудрію, а обычно пребываемъ въ благоговѣйномъ послушаніи матери-церкви. Почему и не соблазняемся, напримѣръ, молитвою: „нескверная-неблазная“,—не ставили вопросовъ: обязательно-ли крещеніе младенцевъ и не лучше-ли крестить въ зрѣломъ возрастѣ?—правы-ли мы не

принимая въ символѣ „filioque", такъ-какъ хотя Спаситель и сказалъ: „Духъ Святый, иже отъ Отца исходитъ", но не сказалъ, что онъ отъ Меня не исходитъ?—все ли Писаніе богодухновенно, или не все; что въ немъ есть субъективнаго? и проч.,—о чемъ теперь бесѣдуютъ развитые. Жалѣть-ли намъ, что мы получили малое развитіе? Скорбѣть-ли намъ, что не развились до маловѣрія и сомнѣній? Учиться-ли старшимъ у младшихъ—и чему? Мы чувствуемъ и твердо убѣждены, что трудно, даже невозможно, дать другому то, чего самъ не имѣешь; трудно убѣдить ближняго, когда собственная душа полна колебаній и сомнѣній. А насъ учили, если, по теперешнему, и не важно, за то имѣли мы всегда предъ глазами твердые образцы вѣры и благочестія, которые навсегда предохраняли насъ отъ колебаній и сомнѣній А главное мы твердо обучены смиренномудрію и не пріобрѣли навыка улетать въ облака сомнѣній. Господь 5-ю заповѣдью обѣщаетъ долголѣтіе на землѣ за почтеніе отца и матери. Не отъ того-ли и насъ Господь наградилъ долголѣтіемъ, что мы чтили нашихъ наставниковъ и руководителей и отъ нихъ научились благоговѣйной покорности и послушанію матери-церкви?!.. Въ наше время семинарская инспекція была очень ограничена и дополнялась дежурными и старшими изъ учениковъ семинаріи. Я самъ былъ старшимъ и дежурнымъ и, кромѣ любви и послушанія, ничего противнаго въ собратіяхъ не встрѣчалъ, тогда какъ теперь случаются противленія нарочитой инспекціи и съ высшимъ образованіемъ. Скажутъ: духъ времени. А мнѣ думается, что было что-то нарочито добро-привлекательное въ воспитательной части нашего добраго стараго и незабвеннаго времени; что-то такое, чего теперь почти нѣтъ и что, быть можетъ, утрачено навсегда подъ потокомъ людскихъ мудрованій и не повѣряемыхъ христіанскимъ ученіемъ человѣческихъ отношеній. Человѣческія отношенія какъ-то безотчетно соразмѣряются. Когда я возилъ сына своего на пріемные экзамены, уже бывши человѣкомъ пожилымъ, благочиннымъ, и зашелъ къ начальствен-

ному лицу свѣтскаго званія узнать результатъ испытанія,—такъ-какъ мнѣ нужно было поспѣшить отъѣздомъ домой,—то лицо это приняло меня такъ высокомѣрно и грубо, какъ только можно было отнестись развѣ къ лакею. А между тѣмъ лицо это я зналъ, хорошо даже зналъ еще по семинаріи. Какъ-то у меня была въ услуженіи дѣвочка, лишившаяся отца, и имѣвшая отчима. Этого отчима она всегда называла „чужи тато". И странное дѣло, у меня всегда вертится это „чужи тато", когда я думаю объ отношеніяхъ между учащими и учащимися въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. *П.*

Изъ прошлаго Кіевской епархіи.

Значеніе заграничныхъ монастырей Кіевской епархіи XVII—XVIII в. в. въ исторіи борьбы Западной Руси за вѣру и народность. Мы теперь болѣе или менѣе обстоятельно познакомились съ заграничными монастырями Кіевской епархіи XVII—XVIII в. в.—ихъ исторіею, устройствомъ, отношеніемъ къ Кіевскому митрополиту и т. п. Въ заключеніе мы должны замѣтить, что заграничные монастыри Кіевской епархіи XVII—XVIII в. в. имѣли весьма важное значеніе въ исторіи православно-русской церкви и всего вообще православно-русскаго народа, жившаго въ XVII—XVIII в. в. въ Западной Руси, въ предѣлахъ польско-литовскаго государства, и ведшаго здѣсь трудную и серьезную борьбу за свою вѣру и народность. Это послѣднее значеніе заграничныхъ монастырей Кіевской епархіи XVII—XVIII в. в. основывалось не только на томъ, что они принадлежали къ такому институту, какъ *монастыри*, но также въ значительной степени и на томъ, что они принадлежали именно къ разряду *заграничныхъ монастырей Кіевской епархіи*. Другими словами: мы желаемъ сказать, что величайшее значеніе заграничныхъ монастырей Кіевской епархіи въ исторіи борьбы Западной Руси въ

XVII—XVIII в. в. за вѣру и народность обусловливалось не только *общимъ характеромъ ихъ, какъ монашескихъ обителей,* но также и *специальнымъ характеромъ ихъ, какъ заграничныхъ монастырей Кіевской епархіи,* имѣвшихъ особенное отношеніе къ русской церкви и къ русскому государству чрезъ посредство Кіевскаго митрополита.

Западная Русь въ XVII—XVIII в. в. вела непрерывную, упорную и безпримѣрную борьбу съ своими врагами за вѣру и народность. Борьба эта была прямымъ продолженіемъ той борьбы, которая происходила въ З. Руси и раньше, въ XV—XVII в. в. Но она имѣла и нѣкоторыя существенныя особенности отъ этой послѣдней. Если и прежде борьба западно-русскаго православнаго народа съ поляками-католиками и уніатами за вѣру и народность характеризовалась рѣдкимъ неравенствомъ силъ боровшихся, то теперь, въ XVII—XVIII в. в. она сдѣлалась положительно драматическою въ этомъ отношеніи. Православный западно-русскій народъ въ XVII—XVIII в. в. остался почти совершенно беззащитнымъ въ своей борьбѣ съ полонизмомъ и католицизмомъ. Въ это время онъ былъ лишенъ всѣхъ тѣхъ средствъ, какими располагалъ прежде для борьбы съ своими противниками. Іерархія западно-русскаго православнаго народа теперь была почти совершенно разстроена. Со второго десятилѣтія XVIII в. для всего многомилліоннаго православнаго населенія Западной Руси, входившей въ составъ Польши, остался одинъ только православный епископъ—Бѣлорусскій. Но были времена въ теченіе XVIII в., когда и эта единственная православная архіерейская каѳедра—Бѣлорусская—оставалась незамѣщенною и когда, слѣдовательно, все русское православное населеніе Польши оставалось безъ своего епископа. Съ другой стороны, низшее православное духовенство З. Руси въ XVII—XVIII в. в. было мало образовано и, слѣдовательно, мало способно для борьбы съ врагами православія и русской народности. Малообразованность западно-русскаго православнаго духовенства зависѣла отъ того, что въ Западной Руси въ это время, особенно

въ XVIII в. почти совсѣмъ не было православныхъ русскихъ школъ, а такія школы, которыя могли бы готовить сколько нибудь правоспособныхъ борцовъ за православіе и народность, совершенно отсутствовали здѣсь въ это время. Не было въ это время въ З. Руси и типографій для печатанія книгъ, между тѣмъ какъ прежде, особенно въ первой половинѣ XVII в. православно-русскія типографіи густою сѣтью покрывали Западную Русь и въ нихъ печатались весьма многія полезныя книги для распространенія въ народѣ. Наконецъ, въ Западной Руси почти совсѣмъ не осталось, особенно въ XVIII в., не только знатныхъ и сильныхъ, но даже и сколько нибудь вліятельныхъ шляхетскихъ (дворянскихъ) русскихъ родовъ, которые могли бы поддерживать интересы православнаго западно-русскаго народа на сеймахъ, въ судахъ и вообще предъ правительствомъ польскимъ.

Такое чрезвычайно трудное время переживала Западная Русь въ XVII—XVIII в. в. Ей необходимо было вести борьбу и отстаивать свою вѣру и народность, а между тѣмъ средствъ для этого не было, можно сказать, почти никакихъ. Вотъ въ это-то время заграничные монастыри Кіевской епархіи, разсѣянные почти по всему пространству Западной Руси, оказали великую и незамѣнимую помощь православному западно-русскому народу въ его неравной и страшно трудной борьбѣ за вѣру и отечество. Заграничные монастыри Кіевской епархіи XVII—XVIII в. в. служили истинными оплотами и центрами, около которыхъ сосредоточивалась эта борьба, несокрушимыми столпами, о мощь которыхъ разбивалась сила, съ какою католичество и унія напирали на православіе и русскую народность, какъ бы духовными крѣпостями, гдѣ православно-русскіе борцы могли отдохнуть и набраться новыхъ духовно-нравственныхъ силъ для продолженія своей трудной работы по отстаиванію родной вѣры. Внимательно изучивъ исторію института заграничныхъ монастырей Кіевской епархіи XVII—XVIII в. в., мы вынесли глубокое убѣжденіе въ томъ, что исторія Западной Руси была бы, быть можетъ, совсѣмъ иною

въ XVII—XVIII в. в., если бы здѣсь не существовало института съ такимъ именно характеромъ, какой имѣли заграничные монастыри Кіевской епархіи. Безъ этихъ послѣднихъ, быть можетъ, не устояла бы въ непосильной борьбѣ единственная въ Польшѣ православная епархія—Бѣлорусская, не имѣло бы силъ и средствъ окрѣпнуть и, развиться то движеніе, которое извѣстно у насъ въ исторіи подъ именемъ возсоединенія западно-русскихъ уніатовъ и слѣдовательно, православіе и русская народность въ Западной Руси не могли бы такъ сравнительно быстро и легко возстать изъ того униженія и той подавленности, въ какихъ они оказались во второй половинѣ XVIII вѣка.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній, попытаемся показать частнѣе то значеніе, какое имѣли заграничные монастыри Кіевской епархіи XVII—XVIII в. въ исторіи борьбы Западной Руси за вѣру и народность.

Прежде всего, они имѣли весьма важное *положительное значеніе*. Заграничные монастыри Кіевской епархіи были хранителями православія, какъ бы источниками, изъ которыхъ западно-русскій православный народъ черпалъ и усвоялъ спасительную силу православія, какъ бы плодородными оазисами среди сплошного польско-католическаго и уніатскаго міра, въ которыхъ православный западно-русскій народъ отдыхалъ духомъ отъ постояннаго гнета, стѣсненія и преслѣдованія и запасался новыми силами для продолженія трудной борьбы за вѣру и народность. Для того, чтобы настоящее значеніе заграничныхъ монастырей Кіевской епархіи стало для насъ болѣе понятнымъ и яснымъ, мы должны припомнить, что въ Западной Руси тогда православные приходскіе храмы были очень рѣдки, а были здѣсь и такія мѣстности, гдѣ на пространствѣ цѣлыхъ сотенъ верстъ совсѣмъ не было приходскихъ православныхъ храмовъ, или, если послѣдніе и сохранились еще, то стояли закрытыми по разнымъ причинамъ, или, наприм., потому, что владѣлецъ—полякъ запиралъ храмъ, или же потому, что онъ находился въ арендѣ у еврея, кото-

рый за неуплату аренды закрывалъ храмъ и т. п. Въ такихъ случаяхъ заграничные монастыри имѣли значеніе и выполняли всѣ функціи приходскихъ храмовъ: въ монастырь окрестные православные жители собирались къ богослуженію, сюда они шли для исповѣди и причащенія святыхъ таинъ, здѣсь же они вѣнчались, крестили своихъ дѣтей и т. д. и т. д. Съ теченіемъ времени, по традиціи, нѣкоторые заграничные монастыри сдѣлались положительно приходскими, ибо имѣли у себя извѣстные опредѣленные приходы. Такое значеніе со временемъ получили не только тѣ монастыри, которые находились гдѣ либо въ глуши, среди сплошного сельскаго населенія, но даже и тѣ, которые находились въ городахъ, гдѣ бывали и православные приходскіе храмы. [1]) Не говоримъ уже о томъ, что всѣ т. н братскіе монастыри замѣняли приходскіе храмы для своихъ братчиковъ, которые въ своихъ монастыряхъ исповѣдывались, причащались, вѣнчались, крестили дѣтей и хоронили умершихъ [2]) Нѣкоторые изъ заграничныхъ монастырей, особенно тѣ, которые имѣли у себя по нѣскольку іеромонаховъ, посылали этихъ послѣднихъ въ сосѣднія селенія для совершенія богослуженія и требъ въ тѣхъ случаяхъ, когда, напр., приходскій священникъ умиралъ, или вынужденъ былъ бѣжать отъ преслѣдованій со стороны католиковъ и уніатовъ. [3])

Наконецъ, даже и при наличности приходскихъ православныхъ храмовъ и священниковъ въ нихъ, монастыри имѣли весьма важное, незамѣнимое значеніе для православнаго

---

[1]) См. Памятники православія и русской народности въ З. Россіи въ XVII—XVIII в. в., изданные Кіевскою духовною Академіею, подъ редакціей профессора, священника Ѳ. Титова Т. 1. Акты по исторіи заграничныхъ монастырей Кіевской епархіи XVII—XVIII в. в. ч. 1-я докум. №№ CLXXXIX, CXCI, CXCIX, §§ 12, 13, 19, 20, 21, 22 и 24, ч. 2-я докум. № CCCLXXVII, §§ 3, 4 и 5.

[2]) См. тамъ же т. 1 ч. 1-я докум. №№ XI, CLXXXIV, CCXL ч. 3 докум. № DCCXXXVI.

[3]) См. тамъ же т. 1 ч. 1-я докум. №№ CXXVI, CLIII, CLXVI. ч. 2 докум. № CCCCXIII.

западно-русскаго народа. Приходскіе храмы, сохранившіеся въ Западной Руси къ XVII—XVIII в. в., отличались, какъ увидимъ скоро, величайшею и нерѣдко неимовѣрною бѣдностію. Понятно, что и богослуженіе, совершавшееся въ такихъ храмахъ, посреди самой убогой обстановки, какую только можно себѣ представить, [1]) къ тому же при совершенномъ отсутствіи въ православныхъ приходахъ діаконовъ, не могло производить на православныхъ богомольцевъ того дѣйствія, въ какомъ они такъ нуждались, не назидало, не возвышало и не укрѣпляло духъ, истомленный, удрученный и разбитый въ непрерывной борьбѣ за вѣру и народность. Съ другой стороны, при малой образованности, какою сплошь и рядомъ отличались тогда православные приходскіе священники въ З. Руси, проповѣдь въ приходскихъ храмахъ почти отсутствовала.

Между тѣмъ заграничные монастыри, за весьма рѣдкими исключеніями, владѣли благолѣпными храмами, имѣли достаточную, а иногда и богатую церковную утварь. Въ нихъ, особенно въ большихъ и многолюдныхъ обителяхъ, по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ совершалось соборное и торжественное богослуженіе, при стройномъ пѣніи хорошо организованныхъ хоровъ. Монастырскіе храмы, особенно большихъ и богатыхъ обителей, часто оглашались церковнымъ проповѣднымъ словомъ. Особенною торжественностію отличалось богослуженіе, совершавшееся въ заграничныхъ монастыряхъ во время храмовыхъ, или престольныхъ праздниковъ. Западно-русскій православный народъ въ XVII—XVIII в. в. любилъ торжественное и благолѣпное монастырское богослуженіе. Иногда изъ далекихъ мѣстъ онъ собирался въ монашескія обители по праздникамъ для того, чтобы видѣть это богослуженіе, отвести душу свою въ соборной молитвѣ и послушать понятную проповѣдь. Изъ устъ непосредственнаго очевидца, Слуцкаго

---

[1]) См. тамъ-же. т. 1 ч. 3-я докум. № DV.

архимандрита Досиѳея Голяховскаго мы уже слышали, какъ православный западно-русскій народъ въ великомъ множествѣ за цѣлыя сотни верстъ собирался въ монастыри къ храмовымъ праздникамъ для того, чтобы помолиться, очистить душу свою покаяніемъ и причастіемъ святыхъ таинъ и послушать проповѣдь. [1]) Здѣсь то, т. е. въ монастыряхъ народъ западно-русскій православный получалъ ту великую духовно-нравственную силу и энергію, съ какою онъ велъ борьбу за вѣру и народность и какая поражала даже самыхъ его противниковъ. Въ монастыри же православный западно-русскій народъ спѣшилъ за благословеніемъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ, выведенный непрерывными, жестокими и болѣзненно-тяжкими преслѣдованіями, рѣшался съ оружіемъ въ рукахъ встать на защиту своихъ дорогихъ святынь, нагло попиравшихся, и своихъ человѣческихъ правъ. Въ ряду другихъ заграничныхъ монастырей Кіевской епархіи XVII—XVIII в. в. въ этомъ послѣднемъ отношеніи особенно выдѣлялись наши украинскіе монастыри. Въ самомъ началѣ второй половины XVIII в. эти монастыри, особенно Мотренинскій Св. Троицкій монастырь, сдѣлались центромъ народнаго движенія на защиту родной вѣры и чести народной, охватившаго всю Украину, а знаменитый настоятель Мотренинскаго монастыря архимандритъ Мельхиседекъ Значко-Яворскій явился истиннымъ руководителемъ этого движенія, народнымъ героемъ, „царемъ схизматицкимъ", какъ его въ насмѣшку прозвали враги западно-русскаго народа.

Заграничные монастыри Кіевской епархіи XVII—XVIII в. в. имѣли весьма важное значеніе еще въ томъ отношеніи, что они *служили лучшими и почти единственными центрами русской культуры, существовавшей въ З. Руси въ XVII—XVIII в. в.* Высказывалось и нынѣ высказывается мнѣніе, что русской культуры въ Западной Руси, особенно въ XVII—XVIII в. в. совсѣмъ не существовало, что русская народность здѣсь

[1]) См. тамъ же т. 1 ч. 3-я докум. № DXIII.

жила подъ исключительнымъ вліяніемъ латино-польской образованности и что, наконецъ, то, что нѣкоторые представляютъ какъ русскую культуру, существовавшую въ З. Руси, на самомъ дѣлѣ представляло только смѣсь старославянщины съ польщизною. Въ доказательство этого обыкновенно ссылаются на то, что въ XVII и особенно въ XVIII в. русскіе образованные люди въ Западной Руси говорили и писали только по-польски, и отчасти по-латыни, такъ что ни русской науки, ни русскаго искусства, ни даже русской гражданственности не было тогда въ западно-русскомъ краѣ. [1])

Но это мнѣніе принципіально невѣрно. Въ человѣческой культурѣ должно различать двѣ стороны: формальную и реальную, внѣшнюю и внутреннюю, форму и содержаніе. Форму культуры составляетъ ея техника, внѣшняя обработка; но эта внѣшность обязательно предполагаетъ подъ собою реальное содержаніе. Содержаніе народной, національной культуры составляютъ присущія тому или другому народу основныя свойства его и идеалы, которыми живетъ народъ; форму ея—языкъ, науки, искусство, техническія знанія и производства. Можно отчасти только согласиться съ тѣмъ положеніемъ, что въ З. Руси въ XVII—XVIII в. в. отсутствовала русская культура, разсматриваемая съ формальной стороны, ибо если образованное русское общество того времени и говорило и писало по-польски, то вся многомилліонная масса западно-русскаго народа говорила и отчасти писала на русскомъ языкѣ. Слѣдовательно, русскій языкъ, какъ лучшій и высшій органъ науки и письменности, существовалъ въ Западной Руси въ XVII—XVIII в. в. и, такимъ образомъ, никакъ нельзя категорически утверждать, что въ Западной Руси въ XVII—XVIII в. в. совсѣмъ отсутствовала русская культура, разсматриваемая даже съ одной формальной стороны. Еще болѣе неправильно и даже совер-

[1]) См. у А. Яблоновскаго. Akademia Kijowsko-Mohilan'ska. Krakow 1900, особенно гл. II стр. 45—62.

шенно несостоятельно мнѣніе, что русская культура, разсматриваемая со стороны своего содержанія, отсутствовала въ З. Руси въ XVII—XVIII в. в. Высшимъ выраженіемъ этой стороны русской, какъ и всякой вообще человѣческой культуры, служитъ религія, содержащая въ себѣ высшіе идеалы, которыми существуетъ, живетъ и движется народъ. Но развѣ можно сказать, что у западно-русскаго народа въ XVII—XVIII в. в. отсутствовала своя народная, русская религія? Если незначительное меньшинство русскаго народа, шляхетство, или дворянство русское и измѣнило къ тому времени своей религіи, то вся многомилліонная масса западно-русскаго народа осталась вѣрною ей, была глубоко предана своей родной вѣрѣ, въ ея сохраненіи и защитѣ видѣла главную цѣль своей жизни и своей дѣятельности. Только тотъ, кто не желаетъ признавать простонародную многомилліонную массу западно-русскаго народа представительницею русской народности, кто смотритъ на простой народъ, какъ на скотъ, быдло, тотъ только можетъ съ спокойною совѣстію оставаться при своемъ убѣжденіи, что въ Западной Руси въ XVII—XVIII в. в. не было никакой русской культуры; но такой взглядъ на народъ—неисторическій.[1])

Итакъ, въ Западной Руси въ XVII—XVIII в. в. была русская народная культура, *а лучшими выразителями, представителями и хранителями ея служили заграничные монастыри Кіевской епархіи.* Значеніе этихъ послѣднихъ въ данномъ отношеніи является тѣмъ болѣе важнымъ, что они были тогда *единственными* носителями и хранителями русской культуры. Заграничные монастыри Кіевской епархіи XVII—XVIII в. в. совмѣщали въ себѣ все: они были, если можно такъ выразиться, и святилищами, и университетами, и академіями, и музеями русскаго народа. Хранившіяся въ нихъ

[1]) Подробности см. у священника Ѳ. Титова. Къ вопросу о значеніи Кіевской Академіи для православія и русской народности въ XVII—XVIII в. в. К. 1904, особенно стр. 44–56.

святыни, особенно чудотворные образы привлекали къ себѣ массы благочестивыхъ поклониковъ. Насельники ихъ были большею частію и сами грамотными и другихъ охотно учили грамотѣ. Въ нѣкоторыхъ, хотя и немногихъ изъ нихъ, существовали, какъ мы знаемъ, школы и типографіи, въ которыхъ хотя и весьма слабо, но неугасимо теплился огонекъ русской образованности.[1]) Живописныя изображенія, какими украшены были храмы монастырей, служили образцами, которымъ стремились подражать мастера русской народной живописи. Проповѣдничество, державшееся въ монастыряхъ, а въ иныхъ изъ нихъ поставленное даже образцово, служило лучшею школою, въ которой западно-русскій народъ поучался, утверждался и вдохновлялся истинами своей вѣры.

Заграничные монастыри Кіевской епархіи XVII—XVIII в. в. служили также *училищами благочестія для окрестнаго православно-русскаго населенія.* Въ нихъ были часто подвижники, проводившіе высоко-нравственную жизнь (старцы-схимники) и оказывавшіе на народъ глубокое благотворное дѣйствіе. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи особенно выдѣлялись наши Украинскія обители.

Величайшее значеніе заграничныхъ монастырей Кіевской епархіи XVII—XVIII в. в. заключалось еще въ томъ, что они всѣ безъ исключенія были строго *народными* церковными институтами. Изъ вѣдомостей о монашествующихъ заграничныхъ обителяхъ, сохранившихся (вѣдомостей) до нашего времени, видно, что братія ихъ набиралась преимущественно изъ людей простого, крестьянскаго званія. Такимъ образомъ, заграничные монастыри Кіевской епархіи XVII—XVIII в. в. были, можно сказать, кость отъ кости и плоть отъ плоти нашего народа, непоколебимо преданнаго своей родной пра-

[1]) См. Памятники православія и русской народности въ З. Россіи въ XVII—XVIII в. в., собранные и изданные Кіевскою духовною Академіею, подъ ред. профессора, священника Ѳ. Титова, т. 1. Акты по исторіи заграничныхъ монастырей Кіевской епархіи XVII—XVIII ч. 1-я докум. №№ XIII—XIV, CXXXVI § 5, ч. II докум. № CCLIII и ч. 3-я докум. № DXX.

вославной вѣрѣ. Оттого то и заграничные монастыри такъ твердо стояли за православіе. Оттого-то и народъ западнорусскій такъ любилъ и дорожилъ сими обителями. Оттого-то существовала всегда полная солидарность между монастырями и народомъ во всѣхъ рѣшительно отношеніяхъ: религіозно-церковномъ, нравственно-практическомъ и даже житейско-экономическомъ. Заграничные монастыри часто служили мѣстами, гдѣ искали убѣжища безродные, бѣдные, больные. Монастыри часто изъ своихъ средствъ помогали окрестному бѣдному населенію. Въ свою очередь, и народъ поддерживалъ благосостояніе монастырей своими посильными жертвами. *Доброхотныя подаянія и сборъ милостыни* служили главнѣйшими средствами содержанія заграничныхъ монастырей Кіевской епархіи XVII—XVIII в. в., особенно бѣднѣйшихъ изъ нихъ.

Немаловажное значеніе имѣли заграничные монастыри Кіевской епархіи XVII—XVIII в. в. еще въ тѣмъ, что они *представляли собою институты, имѣвшіе сравнительно прочное юридическое существованіе*. Это было важно особенно для дѣла борьбы западно-русскаго народа за вѣру и народность. Всякій монастырь западно-русскій имѣлъ фундушъ, т. е. дарственную запись основателя, или основателей его. По принятому тогда въ З. Руси обыкновенію, фундушевыя записи вносились въ т. н. гродскія книги, причемъ нѣкоторыя для большей крѣпости записывались даже въ нѣсколькихъ гродскихъ книгахъ. Оригиналъ фундушей обыкновенно хранился въ самомъ монастырѣ. При такихъ условіяхъ, католикамъ и уніатамъ было чрезвычайно трудно завладѣть какимъ либо западно-русскимъ православнымъ монастыремъ, или превратить его въ унію. Если бы это случилось, то оставшаяся вѣрною православію братія, или даже окрестные жители могли, ссылаясь на фундушъ, возбудить процессъ и отобрать у обидчиковъ свою обитель съ ея имѣніями. Католики и уніаты со временемъ узнали это и потому прежде завладѣнія монастыремъ старались отобрать у него, или же сжечь, или же другимъ какимъ либо образомъ уничтожить фундушевую запись

его. Въ такихъ случаяхъ православные розыскивали запись фундуша въ какихъ либо гродскихъ книгахъ и, разъ имъ удавалось это сдѣлать, предъявляли искъ къ обидчикамъ Вслѣдствіе всего этого католикамъ и уніатамъ гораздо труднѣе было овладѣть монастыремъ, хотя бы самымъ малымъ и бѣднымъ, чѣмъ обыкновеннымъ приходскимъ храмомъ Приходскіе храмы обыкновенно строились самими прихожанами и, за рѣдкими исключеніями, не имѣли никакихъ записей и документовъ. Оттого католикамъ и уніатамъ такъ легко и удавалось отбирать приходскія церкви на унію. Совсѣмъ не то мы видимъ относительно монастырей. Хотя и были печальные примѣры отобранія православныхъ монастырей и превращенія ихъ на унію, но они были весьма рѣдки и всегда доставляли много хлопотъ и безпокойствъ врагамъ православія и русской народности въ З. Руси. А стоя сами прочно, западно-русскіе монастыри сообщали эту же устойчивость и орочность и тѣмъ западно-русскимъ православнымъ церковнымъ братствамъ, которыя существовали подъ покровомъ почти каждаго изъ нихъ.

Наконецъ, заграничные монастыри Кіевской епархіи XVII—XVIII в. в. имѣли особенную устойчивость и прочность существованія еще вслѣдствіе своего особеннаго характера *какъ именно заграничные монастыри, находившіеся подъ покровительствомъ и властію Кіевскаго митрополита*. Независимо отъ того, что власть и авторитетъ Кіевскаго митрополита высоко уважались и почитались въ Польшѣ, важное значеніе имѣло здѣсь и то обстоятельство, что Кіевскій митрополитъ, начальникъ своихъ заграничныхъ монастырей, жилъ въ Россіи, за предѣлами польско-литовскаго государства и, слѣд., былъ внѣ всякой зависимости со стороны польской власти. Въ случаѣ какой либо обиды заграничнымъ монастырямъ Кіевской епархіи, а тѣмъ болѣе попытки отобранія какого либо изъ нихъ и превращенія на унію, Кіевскій митрополитъ жаловался на обидчиковъ своему правительству, которое, въ свою очередь, чрезъ русскаго посла въ Варшавѣ тотчасъ же

доводило до свѣдѣнія польскаго правительства о совершившемся фактѣ насилія, или захвата. Поэтому, католики и уніаты боялись трогать заграничные монастыри Кіевской епархіи, имѣвшіе такую сильную защиту у себя. Поэтому же громадное большинство заграничныхъ монастырей Кіевской епархіи и сохранилось до конца въ православіи, между тѣмъ какъ многіе другіе западно-русскіе монастыри, не бывшіе подъ властію Кіевскаго митрополита, были превращены въ унію, или же совсѣмъ закрыты.

Епархіальная хроника.

Возвращеніе Архипастыря изъ епархіи.—25 августа Высокопреосвященный Флавіанъ, Митрополитъ Кіевскій и Галицкій, возвратился въ Кіевъ, по обозрѣніи монастырей, церквей и школъ въ Чигиринскомъ и Черкасскомъ уѣздахъ.

Заупокойное богослуженіе.—29 августа въ каѳедральномъ соборѣ совершалъ литургію преосвященный Агапитъ, епископъ Уманскій. По окончаніи литургіи, Преосвященнымъ совершена была панихида по въ Бозѣ почившемъ Императорѣ Александрѣ III и православнымъ воинамъ, на брани убіеннымъ.

Обозрѣніе Высокопреосвященнымъ Флавіаномъ, Митрополитомъ Кіевскимъ и Галицкимъ, церквей 3 округа Черкасскаго уѣзда.—Забота Высокопреосвященнѣйшаго Владыки-Митрополита, дабы и мы тихое и безмолвное житіе пожили во всякомъ благочестіи и чистотѣ,—побудила Его Высокопреосвященство поднять нелегкій трудъ посѣщенія и нашихъ весей.

Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали прибытія Владыки,—какая-то поразительно пріятная и трогательная неожиданность овладѣвала нами. Наконецъ, наступилъ радостный для всѣхъ насъ день. 21 сего августа въ 10 ч. 15 м. утра Высокопреосвященнѣйшій Владыка прибылъ поѣздомъ изъ Кіева на ст.

Бобринская, въ сопровожденіи каѳедральнаго протоіерея II. Г. Преображенскаго, и былъ встрѣченъ мѣстнымъ благочиннымъ свящ. І. Ф. и помощникомъ исправника г. Черкассъ Кольчевскимъ. Преподавъ благословеніе встрѣтившимъ и принявъ рапортъ отъ благочиннаго, Владыка, въ сопровожденіи ихъ, особымъ поѣздомъ отправился на ст. Смѣла, гдѣ его прибытія ожидали: графъ А. А. Бобринскій, мировой посредникъ, чины полиціи и огромная толпа народа, среди которыхъ было много евреевъ. Преподавъ благословеніе встрѣчавшимъ и принявъ приглашеніе графа Бобринскаго откушать у него хлѣбъ-соль, Владыка, при звонѣ колоколовъ всѣхъ трехъ церквей м. Смѣлы, въ каретѣ, любезно предложенной графомъ, направился прежде въ Преображенскую церковь. Не смотря на рабочую пору, множество народа заполнило улицу, ведущую отъ ст. Смѣлы къ Преображенской церкви. У воротъ церковной ограды встрѣтили Владыку почетные прихожане съ хлѣбомъ-солью, а при входѣ въ церковь 7 священниковъ съ діакономъ. При стройномъ пѣніи „Достойно есть", хоромъ Преображенской церкви, Владыка прослѣдовалъ въ алтарь, гдѣ осмотрѣлъ престолъ, ризницу, библіотеку и церковные документы. По совершеніи „чина встрѣчи",—Владыка преподалъ благословеніе священникамъ, его встрѣчавшимъ, и народу. Хоромъ пѣвчихъ были пѣты во все время благословенія народа догматики. Стройное пѣніе понравилось Владыкѣ. По выходѣ изъ церкви, Владыка посѣтилъ домъ настоятеля храма, гдѣ изволилъ откушать чай. За чаемъ Владыка милостиво бесѣдовалъ съ хозяевами, разспрашивая о ихъ житьѣ-бытьѣ. Преподавъ благословеніе, Владыка прослѣдовалъ въ Покровскую церковь. Масса народа сопровождала Владыку. Благословивъ хлѣбъ-соль, поднесенный церковнымъ старостой у воротъ церковной ограды, Владыка прослѣдовалъ въ храмъ, гдѣ былъ встрѣченъ 5 священниками съ діакономъ. При осмотрѣ храма, Владыка обратилъ вниманіе на его ветхость. Узнавъ, что уже есть средства на постройку новаго храма, предложилъ

мѣстному священнику не медлить съ постройкой и въ скоромъ времени начать подготовительныя работы. По осмотрѣ престола, ризницы, библіотеки и церковныхъ документовъ,—Владыка, преподавъ благословеніе народу и посѣтивъ квартиру настоятеля, прослѣдовалъ къ 3-й церкви м. Смѣлы—Успенской, гдѣ ожидали Архипастыря множество народа и 5 священниковъ съ діакономъ. По совершеніи „чина встрѣчи", Владыка осмотрѣлъ храмъ, ризницу, церковные документы и, преподавъ благословеніе народу,—посѣтилъ квартиру настоятеля. По выходѣ отъ настоятеля, графъ А. А. Бобринскій, всюду сопровождавшій Владыку при посѣщеніи церквей м. Смѣлы, опять просилъ Владыку осчастливить его своимъ посѣщеніемъ, и Владыка отправился къ нему въ домъ вмѣстѣ съ любезно приглашенными графомъ гостями, гдѣ была предложена радушная трапеза. Въ исходѣ 2-го часа Владыка, простившись съ радушными хозяевами, направилъ свой путь въ Виноградскій монастырь, поспѣшая ко всенощной. Узнавъ же, что по пути слѣдованія въ монастырь придется проѣзжать вблизи церкви с. Константинова, Владыка пожелалъ обозрѣть и эту церковь, хотя она и не означена въ маршрутѣ. Населеніе Константинова, узнавъ, что Владыка намѣренъ посѣтить и ихъ церковь, цѣлыми толпами устремилось на встрѣчу. Послѣ „чина встрѣчи" Владыка, обозрѣвъ церковь, библіотеку, церковные документы, преподавъ благословеніе народу и посѣтивъ квартиру настоятеля,—отбылъ въ Виноградскій монастырь, куда прибылъ въ 5 часовъ вечера, и сейчасъ же началось всенощное бдѣніе. На другой день 22-го августа, Владыка, выслушавъ литургію и преподавъ благословеніе народу, осматривалъ монастырскія келліи и др. постройки съ особою тщательностію, интересуясь внутреннимъ устройствомъ монастырской жизни. По осмотрѣ,—въ келліи настоятеля былъ предложенъ Владыкѣ чай. Такъ какъ дорога, по которой прибылъ Владыка изъ с. Константинова въ монастырь, оказалась не совсѣмъ удобною для обратнаго слѣдованія, вслѣдствіе крутого спуска,

то Владыка изъявилъ желаніе прослѣдовать обратно на Смѣлу,—дорогою чрезъ с. Балаклею, и обозрѣть церковь, тоже не означенную въ маршрутѣ. Въ началѣ 10-го часа, при звонѣ колоколовъ монастырскихъ, Владыка отбылъ въ с. Балаклею. Ко времени прибытія Владыки, литургія въ церкви с. Балаклеи уже окончилась и огромная масса народа съ хлѣбомъ - солью ожидала Архипастыря. По окончаніи „чина встрѣчи", Владыка обозрѣвалъ престолъ, ризницу, библіотеку, церковные документы. Преподавъ благословеніе народу, Владыка посѣтилъ домъ настоятеля и, милостиво побесѣдавъ о предстоящей постройкѣ новой церкви и школьнаго зданія, отбылъ въ Смѣлу въ домъ графа Бобринскаго, гдѣ опять была предложена радушная трапеза. Въ началѣ 3-го часа Владыка отбылъ въ Сунки. Графъ А. А. Бобринскій провожалъ Владыку до выѣзда изъ м. Смѣлы. По пути слѣдованія Владыка изволилъ принять радушное приглашеніе княгини Яшвиль—посѣтить ея домъ. Обозрѣвъ церковь въ Сункахъ и преподавъ благословеніе народу, Владыка изволилъ служить литію надъ могилой князя Яшвиля, погребеннаго на погостѣ,—благотворителя Сунковской церкви и школы. Затѣмъ, преподавъ еще разъ благословеніе народу общее, Владыка отбылъ въ с. Плескачевку. Вслѣдствіе неудобства дороги къ Плескачевкѣ—крутыхъ спусковъ и подъемовъ—путешествіе немного замедлилась; огромная масса народа ожидала Владыку у воротъ церковной ограды съ хлѣбомъ-солью. Предшествуемый рядомъ хоругвей и крестовъ, среди разставленныхъ шпалерами съ цвѣтами въ рукахъ дѣвочекъ, брасавшихъ на дорогу цвѣты,—Владыка прошелъ въ храмъ, гдѣ былъ встрѣченъ духовенствомъ, и прослѣдовалъ въ алтарь, при стройномъ пѣніи учащихся школьниковъ. Пѣніе понравилось Владыкѣ. Обозрѣвъ церковь и преподавъ благословеніе народу, Владыка уже вечеромъ, подъ дождемъ, отбылъ на ночлегъ чрезъ с. Куликовку въ Жаботинскій монастырь. Ласковое, чистоотеческое обращеніе Владыки,—его разспросы о житьѣ-бытьѣ духовенства и о его нуждахъ произвели чарующее впечатлѣніе.

какъ на духовенство, такъ и на всѣхъ присутствовавшихъ. Посѣщеніе Владыки останется неизгладимымъ изъ нашей памяти событіемъ,—оно влило новую струю энергіи въ дѣятельность духовенства, подняло его духъ, а архипастырская молитва и благословеніе придали благодатную силу, очищающую, освящающую и укрѣпляющую насъ. *Ф.*

Библіографическая замѣтка.

1) Н. К. Маккавейскій. Къ вопросу о религіозномъ воспитаніи въ нашей средней общеобразовательной школѣ.

Кіевъ, 1904 г. 38 стр.

2) Священникъ Александръ Голосовъ. Значеніе Закона Божія и желательная постановка преподаванія его въ средней школѣ.

Рига, 1903 г. 19 стр.

Наступилъ новый учебный годъ. Въ эту пору благовременно сказать нѣсколько словъ о двухъ брошюрахъ прошлогодняго изданія, посвященныхъ серьезному при современныхъ условіяхъ вопросу—о постановкѣ преподаванія Закона Божія въ средней школѣ. Въ первой брошюрѣ, увлекательно составленной почтеннымъ профессоромъ нашей Академіи Н. К. Маккавейскимъ, по поводу и подъ впечатлѣніемъ высказанныхъ въ печати (въ 1902 г.) „Завѣтныхъ думъ служителя церкви (протоіерея І. И. Соловьева), въ виду предстоящей реформы средней школы", развивается мысль о *законоучительствѣ*, какъ *дѣлѣ чисто-пастырскомъ*. По горячему убѣжденію г. профессора, задача законоучителя—религіозно-воспитательная въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Учащіеся должны получать отъ законоучителя пастырское воздѣйствіе и чрезъ преподаваніе Закона Божія, и посредствомъ священнослуженія, и, наконецъ, путемъ частнаго пастырскаго руководства въ области религіозно-нравственной жизни. Вмѣстѣ съ учащимися пастырскому вліянію законоучителя должны подлежать и учащіе, составляющіе съ учащимися своего рода *приходъ*, пастыремъ котораго долженъ быть о. за-

коноучитель, онъ же обязательно и настоятель домоваго храма школы. Большій или меньшій успѣхъ пастырства о. законоучителя въ школѣ зависитъ отъ его личныхъ свойствъ и качествъ.

Священникъ А. Голосовъ, повидимому, принципіально согласный съ такимъ мнѣніемъ профессора Н. К. Маккавейскаго, въ своей брошюрѣ, и, какъ кажется, на основаніи личнаго опыта, заявляетъ, что, „при теперешнемъ положеніи дѣла, законоучителю положительно некогда думать о нравственномъ назиданіи учащихся (при двухъ урокахъ въ недѣлю). Его заботы теперь всецѣло направлены на выполненіе программы и *уснащеніе* памяти учащихся разными знаніями, чтобы ученики не сконфузились предъ ревизующимъ школу или экзаменаторомъ, чтобы они не позабыли хронологію, не смѣшали Ахава съ Ахазомъ и т. д." (стр. 15). Не отрицаетъ священникъ А. Голосовъ и значенія личныхъ качествъ законоучителя для благоуспѣшности его дѣла; но, при этомъ о. Голосовъ констатируетъ фактъ, что во многихъ школахъ мало что дѣлается къ возвышенію личности законоучителя. По мнѣнію его, необходимо, для возвышенія личности законоучителя въ школѣ, чтобы „духовныя его права въ школѣ не попирались властію сильнаго, чтобы преподаваемыя имъ въ школѣ на урокахъ и въ частныхъ бесѣдахъ съ учащимися свѣтлыя и чистыя истины касательно религіи и нравственности не встрѣчали антагонизма на практикѣ, допускаемаго нерѣдко начальниками заведенія!.."

Изъ обѣихъ брошюръ мы отмѣтили только нѣкоторыя мысли, и теоретическія, и практическія, по такому серьезному вопросу, какъ вопросъ о законоучительствѣ въ средней школѣ. Читатель замѣтки, если прочтетъ обѣ брошюры, найдетъ много и другихъ прекрасныхъ и правдивыхъ мыслей, показывающихъ, въ какомъ положеніи дѣло законоучителя въ средней школѣ находится теперь и въ какомъ оно должно бы быть.

Редакторъ неоф. части священникъ *Ѳ. Титовъ.*
Помощникъ редактора священникъ *І. Троицкій.*

Отъ Кіевск. дух. цензурн. Комитета печат. дозвол. 3 сентября 1904 г.
Цензоръ протоіерей *С. Трегубовъ.*

Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра
Акціон. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго. Меринговская улица.